

Crusader

Has been issued since 2015.
E-ISSN 2413-7502
2018. Vol. 6. Is. (1). Issued once a year

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

PhD Gagua Ruslan – Polesski State University, Republic of Belarus

Editorial Board

Dr. Dudarev Sergey – Armavir State Pedagogical University, Armavir, Russian Federation

PhD Ivantsov Vladimir – Sochi State University, Sochi, Russian Federation

Dr. Maiorov Aleksandr – Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation

Dr. Metreveli Roin – Georgian National Academy of Sciences, Tbilisi, Georgia

PhD Muderevych Viktor – Chernivtsi National University named after Yuriy Fedkovych, Ukraine

PhD Sorokin Aleksandr – Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

Journal is indexed by: **CrossRef** (USA), **Journal Index** (USA), **OAJI** (USA), **MIAR** (Spain), **Research Bib** (Japan), **Sherpa Romeo** (Spain)

All manuscripts are peer reviewed by experts in the respective field. Authors of the manuscripts bear responsibility for their content, credibility and reliability.

Editorial board doesn't expect the manuscripts' authors to always agree with its opinion.

Postal Address: 1367/4, Stara Vajnorska str., Bratislava – Nove Mesto, Slovak Republic, 831 04
Release date 16.10.18.
Format 21 × 29,7/4.

Website: <http://ejournal29.com/>
E-mail: aphr.sro@gmail.com
Headset Georgia.

Founder and Editor: Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Order № Crus-6.

© Crusader, 2018

Crusader

2018

Is.

1

CONTENTS

Articles and Statements

The Attitude of Muslims to Christians in the Eastern Mediterranean and the Image of a European in the Works of Muslim authors of the Era of the Crusades S.L. Dudarev	3
--	---

Letters to the Editor

To the Issue of the Appearance of Knightly (Crusader) Orders M. Surguladze	17
---	----

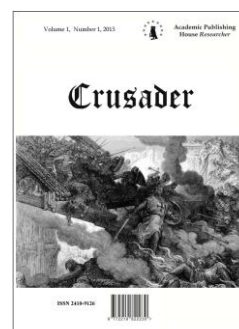
Copyright © 2018 by Academic Publishing House *Researcher* s.r.o.

Published in the Slovak Republic
Crusader
Has been issued since 2015.
E-ISSN: 2413-7502
Vol. 6, Is. 1, pp. 3-16, 2018

DOI: 10.13187/crus.2018.6.3

www.ejournal29.com

Articles

The Attitude of Muslims to Christians in the Eastern Mediterranean and the Image of a European in the Works of Muslim authors of the Era of the Crusades

Sergey L. Dudarev ^{a, *}

^a Armavir State Pedagogical University, Russian Federation

Abstract

This article presents the results of a comparative analysis of a number of works by medieval Muslim authors who examined the situation of the population of the Middle East regions conquered by the crusaders and in this regard gave their characteristics to the newcomers in terms of their perceptions of their culture, customs, habits, etc. Estimates of the eastern authors of the Middle Ages, given to European aliens, are usually based on negative stereotypes and are replete with negative epithets, although at the same time they also note the valor of Western warriors. They are the result of direct military clashes with the crusaders, who came to the land of the East with conquering purposes and oppressed the local population, as well as a persistent misunderstanding of another's cultural tradition. The latter stemmed from an insufficient degree of inter-civilizational exchange, largely due to religious precepts containing the idea of ritual impurity of the "infidels," and from a sense of the superiority of their culture. Not the least role in the emergence of a negative attitude towards European aliens was played by the Muslims' perception of their geographical space, endowed with negative connotations.

Keywords: Christianity, Islam, "Orientalism", Crusades, Eastern Mediterranean, Zimmi (Ahl-az-zimma), Pulens, The Church of the Dregs, al-ifranji.

1. Введение

В данной статье необходимо обратиться к проблеме, которая долгое время находилась на периферии внимания историков, занимавшихся темой крестовых походов. Труды по крестоносной тематике, долгое время, как правило, отражали взгляд на нее с «позиций Запада». В частности, что думали, жители завоеванных крестоносцами стран Восточного Средиземноморья о «франках», оставалось вне сферы исследовательского анализа. Между тем, восточные авторы XII-XIII вв., прежде всего, Усама Ибн-Мункыз, Ибн Джубайр, и некоторые другие (Ибн Мункыз Усама; Ибн Джубайр; Басов, Глаголько: 2010), оставили немало сообщений об отношениях мусульман и крестоносцев в Восточном Средиземноморье, описания обычаев и нравов европейцев и др. Сведения о европейцах можно встретить и в арабской народной литературе (Сират Зат аль-Химма и др.) (Хилленбранд, 2008: 256). При освещении рассматриваемой темы невозможно обойти вниманием как оставленные указанными средневековыми авторами сочинения, так и

* Corresponding author

E-mail addresses: dudarev51@mail.ru (S.L. Dudarev)

работы современных западных историков, отдавших должное анализу этих и других сообщений, прежде всего, фундаментальное исследование К. Хилленбранд. В свете современных событий на Ближнем Востоке и Западной Европе, когда два мира вновь столкнулись лицом к лицу друг с другом, весьма актуально уделить внимание восприятию восточным населением образов европейцев (крестоносцев и прочих выходцев из Европы) и их мира. В фокусе нашего внимания будут черты культуры и быта, поведенческие стереотипы «франков», получившие преломление в менталитете жителей ближневосточных стран, подвергшихся вторжению крестоносцев, положение завоеванных ими мусульман.

Примечательно, что Западная Европа не была привлекательной для населения стран ислама, для которого их собственная культура представлялась более развитой и утонченной. Чувство превосходства, возникшее у жителей Ближнего Востока, в будущем было, возможно, одной из причин того, что они незаметно для себя отстали от западных стран. Впрочем, вполне вероятно, что на самом деле люди Востока могли даже не помышлять о Западе.

В этом смысле интересно размышление современных российских востоковедов о войнах сасанидского Ирана с Византией, важное для нас в той своей части, что Иран не искал себе союзников на Западе. «Можно ли считать, - рассуждают в этой связи авторы «Истории Востока», - что там просто не было сил, на которые можно было опереться? Или это материальное, явственное выражение разрыва между Западом и Востоком, невидимой границы, которая пролегла в сознании восточных политиков где-то по Балканам?» ([История Востока, 2002: 11](#)).

Как бы то ни было, мусульмане мало интересовались христианством, латинским и даже восточным, которое находилось с ними по соседству, более того, в странах ислама жили зимми (ахл-аз-зимма – «люди договора», араб.), являвшиеся, в том числе, христианами, жившими под покровительством мусульман ([Лекции по истории средневекового Востока, 2017: 42](#)). До начала Первого Крестового похода мусульмане уже имели сведения о франках и свои суждения о них, опиравшиеся на описания путешественников, рассказы военнопленных, пилигримов, купцов, дипломатов, географические сочинения и пр. Любопытно, что отрицательные стереотипы европейцев о мусульманах, связанные с предубеждениями, неверным, однобоким и искаженным восприятием их культуры и быта, входят в систему дискурса т.н. «ориентализма» (по Э.В. Саиду) ([Саид, 2006](#)). В таком случае, неверные представления жителей мусульманского Востока (да и Востока вообще) о европейцах и их мире (как мире Другого), о которых речь пойдет ниже, можно, если угодно, назвать «ориентализмом наоборот».

Так или иначе, но многие из ранних представлений мусульман о географии Западной Европы и ее жителях базировались на сочинениях Клавдия Птолемея (II в.), пользовавшихся большим авторитетом у исламских авторов. Поразительно, но европейские авторы в своих представлениях о географии мусульманского Востока также руководствовались античным наследием! Таким образом, ни та, ни другая сторона долгое время не имели современных и адекватных представлений друг о друге, что еще больше усиливало отчуждение между ними, помноженное на политическое и религиозное противостояние.

2. Материалы и методы

2.1. Рассматриваемая нами тема до сих пор относится к числу недостаточно изученных в отечественной историографии, что сообщает ей дополнительную актуальность. Она была практически не затронута авторами «Истории Европы» в очерке о международных отношениях Европы в XI-XIII вв. ([История Европы, 1992: 532-535](#)). Очень характерен очерк по истории крестовых походов в многотомной «Истории Востока», где упоминается лишь о положении мусульман в завоеванных крестоносцами областях Восточного Средиземноморья, но ничего не говорится о восприятии крестоносцев и вообще европейцев жителями Востока ([История Востока, 2002: 246-247](#)). Впрочем, справедливости ради нужно сказать, что и в том и другом случае трудно требовать многообразия сюжетов от небольших очерков, имевших подчиненный характер по отношению к содержанию этих обобщающих работ. Практически, одной из немногих на сегодняшний день, монографических работ на интересующую нас тему является монография С. И. Лучицкой ([Лучицкая, 2001](#)). Этот

ученый является и автором статей, которые представляют для нашей темы серьезное подспорье (Лучицкая, 2006: 319-350). Проблемы контактов христианского и мусульманского миров весьма подробно рассмотрены в ценном учебном пособии Т.Г. Мякина, Г.Г. Пикова и В.Л. Портных, давая как ценную общеисторическую канву, так и конкретные факты историографии (Деяния франков и прочих иерусалимцев, 2010). К взаимоотношениям мусульман и христиан периода крестовых походов обращались армавирские историки И.И. Басов и Т.Г. Глаголько, издавшие подборку восточных источников, освещавших данный вопрос (Басов, Глаголько, 2010). Из работ зарубежных историков особо хотелось бы отметить У. Монтгомери Уотта (Уотт, 1976), Х. Майера (Ибн Джубайр), Дж. Райли Смита и др. (Райли-Смит Дж. и др., 1998), Кэрл Хилленбранд (Хилленбранд, 2008), которые значительно расширяют наши представления о характере взаимоотношений мусульман и христиан, в том числе, в период крестовых походов. Еще одним важным исследованием, раскрывающим восприятие мусульманским миром событий крестовых походов и их участников – европейцев, является книга Амина Маалуфа (Маалуф, 2006), французского писателя ливанского происхождения. Основным источником о религиозных представлениях мусульман и их отношении к христианскому вероучению является Священный Коран (Коран, 1986).

2.2. В качестве материалов и источников для нашего исследования послужат работы ряда средневековых мусульманских авторов, современных зарубежных и отечественных историков и писателей, Интернет-ресурсы, и др. Методы, применяемый в нашей работе – метод анализа источников, историко-генетический, историко-сравнительный.

3. Обсуждение и результаты

Опираясь на весьма неточные сведения, мусульманские географы еще до крестовых походов делили мир на семь зон, или «климатов», среди которых наибольшие гармония и равновесие были свойственны третьей и четвертой зонам, которые включали в себя центральную часть арабский мира, Северную Африку, Иран и часть Китая. Франки же обитали в шестом «климате».

Они также как и славяне с тюрками, обитавшие тут же, занимались военным делом и охотой, темперамент их был меланхолическим, а сами они были людьми свирепыми, грязными и вероломными.

Все это удивительно напоминает одну фразу из древнеегипетского документа II тыс. до н.э.: «Подл азиат, плохо то место, в котором он живет». Чужая, незнакомая земля, «климат» и т.п. были наделены отрицательными коннотациями еще с древних времен, и их негативные качества переносились на людей. Подобный подход можно увидеть и в трудах такого знаменитого исламского автора как аль-Масуди (X в.), который был весьма осведомленным ученым-географом. Тем не менее, и он не избежал аналогичных ошибок, увязав холодный климат в странах славян, франков и их соседей, с грубостью их нравов, «тусклостью» разума и тяжелыми языками.

Но аль-Масуди несомненно превзошел его современник Ибн Аби-л-Аш'ас, персидский врач из Мосула (аль-Джазира), отказав людям из областей с холодным климатом в мудрости, уподобил их животным, и даже с уверенностью заявлял, что они, как животные, ежегодно линяют! Свою лепту в создании отрицательных стереотипов о европейцах до начала крестовых походов внесли и испанские мусульманские писатели (как христианские отсюда же – о мусульманах!) Но они хотя бы не отказывали франкам в том, что они – доблестные воины. Это качество подчеркивали и более поздние географы – аль-Казвини (XIII в.) и аль-Димишки (XIV в.), но одновременно неизменно отмечали, что франки – свирепые, вероломные, звероподобные и неопрятные создания. Повествует о них и популярная народная литература, где также фигурируют указанные выше качества, к которым добавляется еще и то, что у франков нет супружеской ревности, а их женщины сексуально распущены (Хилленбранд, 2008: 263-267). Эти представления укоренялись в сознании мусульман. Таким образом, ко времени крестовых походов, во всяком случае, у мусульманского населения, тем или иным образом получавшего информацию о западном мире, сформировались отрицательные стереотипы о нем и его представителях, как далеких от цивилизованных норм, хотя и отважных и доблестных.

Впрочем, когда началось вторжение крестоносцев, то жители Ближнего Востока воочию убедились на своем горьком опыте в наличии все тех же свирепости и вероломства у «франков», так что заочное знание ими людей Запада оказалось, в чем-то, вовсе не таким ошибочным... Тем не менее, отношения в государствах крестоносцев не могли строиться только на бесконечном терроре и насилии. Оставленные самими же мусульманскими авторами сведения прямо указывают на это.

Начнем с экономических отношений. Наиболее интересные сведения о них оставлены Ибн-Джубайром (**Ибн-Джубайр**). Проезжая в сентябре 1184 г. через Иерусалимское королевство он писал: «Все жители этих мест – мусульмане, они с франками в хороших отношениях – да сохранит нас Аллах от соблазна... Сердца большинства из них пропитались соблазном из-за того, что претерпевают их собратья, жители мусульманских деревень и поместий, ведь положение последних совсем не такое благополучное и легкое, как у них. Одно из бедствий, постигших мусульман, то, что мусульманская часть жалуется на притеснения ее своим же правителем и восхваляет поведение его противника и врага своего из франков, которого любят за его справедливость».

Комментарий, который дается к данному отрывку на соответствующем Интернет-сайте звучит следующим образом: «Тщательный анализ этого раздела «Путешествия» был проведен историком Х. Майером, привлечшим сравнительные данные об обложении всех групп сельского населения в Иерусалимском королевстве. Фактическая сторона вопроса у него совпадает с Ибн Джубайром. Разница в том, что Майер, сравнив уровень обложения мусульман с обложением местных христиан и переселенцев из Западной Европы, приходит к выводу о тяжелом обложении мусульман. Ибн Джубайр находит его легким, ибо сравнивает положение мусульман, подпавших под власть крестоносцев, с мусульманами, оставшимися под суверенитетом мусульманских государей. Х. Майер (а еще ранее — Кл. Казн) с полным основанием считают данный пассаж Ибн Джубайра примером пропаганды, направленной к мусульманским правителям с целью побудить их лучше относиться к крестьянам, выставляя франков в качестве примера (Н. Е. Mayer. *Latins, Muslims and Greeks in the Latin Kingdom of Jerusalem*, с. 181)» (Ибн-Джубайр). Как видим, то, что Ибн Джубайр выставляет отношение противника к мусульманам в качестве примера едва ли не добродетели, маркирует проблемы в лагере самих «правоверных» и указывает на то, что отношение завоевателей к людям, исповедующим ислам, едва ли было намного более худшим, чем «своих» угнетателей.

Еще один показательный отрывок из сочинения ибн-Джубайра также говорит о том, что положение мусульман под властью христиан было, условно говоря, не более критическим, чем под гнетом единоверцев: «Мы вышли из Тибнина — да уничтожит его Аллах! — на заре в понедельник. Наш путь проходил через непрерывный ряд деревень и возделанные земли, обитатели которых были мусульманами и жили в достатке рядом с франками — мы прибегаем к Аллаху, чтобы он удержал [их] от искушения! — при условии внесения франкам половины урожая во время его сбора и джизьи в размере одного динара и пяти киратов с головы. Кроме этого с них ничего более не требуют, исключая небольшой налог с плодовых деревьев. Им оставлены во владение их жилища со всем добром, и во всех городах сирийского побережья, которые находятся в руках франков, царит такой же порядок. Там все земли — деревни и села — остаются во владении мусульман. И сердца многих из них подвергаются испытанию, когда они видят положение их братьев в землях мусульман, и положение тех, которые ими управляют, ибо по благосостоянию и дружелюбному отношению оно обратно их положению. Это — одно из тягостных для мусульман явлений, они возмущаются притеснениями тех их единоверцев, которые ими управляют, и восхваляют поведение их соперников и врагов из франков, если они управляют ими, воздавая должное их справедливости».

Вслед за указанными выше коллегами можно, конечно, также считать этот пассаж таким же образцом пропаганды, что и вышеприведенный, но сам тот факт, что враги ислама «иронически» снова выставляются в качестве образца справедливости для своих единоверцев, говорит о многом. При этом вряд ли можно наименовать Ибн-Джубайра «либералом» тех времен или, еще того хуже, отщепенцем. Этот автор совершал два хаджжа в священные места ислама и умер во время третьего. Данного хаджи невозможно заподозрить в недобрых и неискренних намерениях в отношении мусульман. Ниже он с

гневом пишет об отступничестве одного магрибинца, перешедшего в христианство и заключает это сообщение показательными словами: «Мы просим Аллаха всемогущего и великого, чтобы он укрепил нас надежным словом на этом и том свете и чтобы он не дал нам отклониться от истинной веры, и дал нам умереть мусульманами, по его милости и состраданию!». При описании прохождения таможи Ибн-Джубайр вновь отмечает позитивные моменты в общении с ее работниками: «И все это делается с обходительностью и любезностью, без грубости и давки».

Говоря об иных сторонах общения мусульман и христиан, касающихся, например, конфессиональной свободы, этот автор приводит сведения о том, что в Акке (Акко, Акре) «находится мечеть, михраб которой остался в прежнем положении; франки устроили себе другой михраб в восточной ее части. Таким образом, здесь собираются и мусульмане, и неверные; находящиеся в одной молельне обращаются лицом к одному михрабу, находящиеся в другой — к другому. Тот, который находится в руках христиан, очень славен и тщательно охраняется; Аллаху угодно было сохранить здесь место для молитвы мусульман». Иными словами, культовые объекты мусульман далеко не всегда реквизировались завоевателями, но им оставлялась возможность посещать мечети, превращенные в церкви, но по факту, являвшиеся храмами бифункционального назначения. Это репрезентативный пример известной терпимости крестоносцев к мусульманам в религиозном аспекте.

Важны и сведения Ибн-Джубайра о судьбе мусульман Тира. Во время его захвата крестоносцами часть жителей-мусульман, укрывшихся в пятничной мечети, хотела умертвить своих жен и детей, но исламские «законоведы и благочестивые люди» отговорили их от этого. После захвата города тирцы, исповедующие ислам «рассеялись по мусульманским землям, а те из них, кто пылал любовью к родине, приняли призыв вернуться и жить среди неверных, заключив с ними договор о безопасности на определенных условиях». Автор, таким образом, приводит, с одной стороны, пример мудрого решения об отказе от самоубийства (к чему призывает и Коран: 4:33:29) и затем о возврате в родные места и выживании там в «предлагаемых обстоятельствах», которое было возможно при определенной терпимости европейцев. С другой стороны, Ибн-Джубайр, будучи приверженным мусульманской риторике, осуждает тех своих единоверцев, которые находятся на земле неверных, исключая проезд через нее.

Он мотивирует это тем, что те, кто остались, находятся «на земле ислама, подверженной страданиям и злу, уготованным [мусульманам] в государствах неверных, то есть бедствиям и унижениям [со стороны] зиммиев». Очень важной стороной мотивировки в пользу отказа от проживания здесь служит то, что «[Мусульмане] вынуждены, например, выслушивать мерзкие слова, режущие сердца, по поводу того, что Аллах сделал святым и чье достоинство возвысил, особенно от их черни и самых низких людей. [К этим унижениям относятся] невозможность очищения и существование рядом со свиньями и прочим запретным, что невозможно перечислить и что не ограничивается сказанным. Остерегайтесь от въезда в их страну!».

Здесь мы сталкиваемся со звучавшей не только у Ибн-Джубайра проблемой сакральной нечистоты всего того, что связано с миром «неверных», которая является одной из центральных в общении мусульман и христиан на территории Восточного Средиземноморья. Кстати, при описании Акки-Акры у этого автора звучит характерная фраза: «Она погрязла в неверии и беззаконии, отвратительная, грязная, полная отбросов и нечистот». Не следует понимать эти слова буквально. Да, хорошо известно, что средневековые европейские города не отличались чистотой. Но этот город, хотя и находившийся под властью крестоносцев в тот момент, был городом, населенным, по сути дела, прежде всего, мусульманами. Города Ближнего Востока накануне западного вторжения были куда более благоустроенными, чем в Европе. Здесь был водопровод, парки, решался вопрос с ассенизацией (Мец, 1996: 375-381). Поэтому речь идет, прежде всего, о грязи и нечистотах, прежде всего, носящих религиозно-ритуальный характер (см. ниже). Резко отрицательным является отношение Ибн-Джубайра к элите христиан. Он называет графа Раймунда Триполийского «проклятый граф... которого описывают как хитрого и коварного», а Агнессу де Куртене, мать прокаженного иерусалимского короля Балдуина IV — «свинья, известная как королева, которая является матерью хряка». Это описание также

имеет религиозные коннотации, поскольку свинья в исламе является нечистым животным, и перекликается с упомянутой только что темой сакральных нечистот.

В настоящей статье нет необходимости исчерпывающе цитировать и комментировать все высказывания ибн-Джубайра относительно общения мусульман и христиан, наблюдавшегося им во время своего первого хаджа. Важно то, что жизнь мусульман под властью христиан, при всех ее нелегких, а то и тяжелых, издержках (в том числе морального и ритуального характера в рамках мусульманского религиозного мировосприятия) в изображении этого автора, хотя и камуфлируется исламской риторикой, но представляется, тем не менее, сносной* (как, не будем забывать, и жизнь зиммиев под властью мусульман!) для повседневного существования. В то же время, территория, связанная с пребыванием христиан, а также образы тех или иных конкретных их представителей, особенно носителей властных функций, характеризуются резко отрицательно (то же самое можно видеть и у Баха ад-Дина, который не жалеет негативных эпитетов для вождей крестоносцев) (Баха ад-Дин, 2009: 35, 145, 208 и др.)[†].

Ярким источником по истории мусульмано-христианских взаимоотношений периода крестовых походов является произведение Усамы ибн Мункыза «Книга Назидания» (Китаб ал-и'Тибар) (Ибн-Мункыз). Остановимся на некоторых наиболее выразительных фрагментах этого сочинения, которое не раз служило предметом обсуждения специалистов, в том числе, К. Хилленбранд (2009).

Это сочинение содержит разнообразные сведения о франках, которых Усама наблюдал в течение своей долгой жизни (а он прожил 93 года!) (Ибн Мункыз). Они могут быть распределены по своему содержанию на те, в которых идет речь о военно-политических отношениях мусульман и европейцев, в том числе, связанных с ними контактах личностного характера, а также те, которые дают представления о восприятии Усамой франкских обычаев, нравов и религии (Басов, Глаголько, 2010: 8-10, 14-16, 19-20).

Военно-политический аспект отношений демонстрирует разброс от резко враждебных, заканчивавшихся грабежом и убийствами, за которые никто не нес ответственности, до попыток, причем небезуспешных, регулировать конфликтные ситуации, и даже перехода фигурантов одной из сторон в лагерь противника[‡].

Так, проплывая мимо Акки, судно мусульман, на котором находились близкие родственники Усамы, имевшие пропуск от иерусалимского короля, подверглось, несмотря на это, ограблению со стороны франков. При этом король, фактически проигнорировал свой пропуск, сославшись, по сути, на мусульманское «береговое право» в части присвоения имущества терпящих бедствие у исламских берегов. Мало того, чтобы формально соблюсти

* Мы не имеем в виду находившихся на территории крестоносных государств мусульманских невольников, о которых Ибн Джубайр пишет с большим сочувствием («Одно из горестных зрелищ, которым мы были свидетелями, находясь в стране [франков], – это пленные мусульмане, влачащие оковы и выполняющие тяжелые работы, причем с ними обращаются, как с рабами. То же следует сказать и о пленных мусульманках с железными цепями на ногах, вид которых надрывает сердце. Но к ним не проявляют никакого сострадания»).

[†] Известным исключением в этом смысле был король Ричард Львиное Сердце, который удостоился от Баха ад-Дина не только проклятий и ироний. Этот мусульманский автор не смог удержаться и от больших комплиментов в адрес этого врага, писав, например, о его силе, великом бесстрашии и решительности, опыте, и т.п. (Баха ад-Дин, 2009: 35, 242, 251 и др.).

[‡] Баха ад-Дин описывает случай, когда группа мусульман, переодетшись в одежду франков, села на большой корабль в Бейруте, тяжело груженный продовольствием и сумела пробраться через вражеский флот в осажденную Акру. При этом в виде камуфляжа эти люди не только сбрили бороды, но и нарочито поместили свиней и кресты (вот главные маркеры христианства в восприятии носителей ислама!) на видных местах, чтобы не оставить никаких сомнений в своей конфессиональной принадлежности. Однако причина успеха этих предприимчивых людей была, прежде всего, в том, что они общались с франками на их языке, по-видимому, безо всякого акцента (Баха ад-Дин, 2009: 203-204). Значит ли это, что в армии Салах ад-Дина были люди, прекрасно владеющие французским? Соблазнительно было бы предположить, что данный факт можно было бы отнести на счет тесных контактов воюющих сторон в языковой сфере. Впрочем, А. Шамдор другого мнения. Он полагает, что переодетые мусульмане, выдававшие себя за европейцев, были, по большей части, франками-ренегатами (Шамдор, 2004: 259).

факт крушения, люди короля, как сообщает Усама, «подрубили корабль топорами на глазах наших людей», т.е. мусульман, шедших на этом судне, т.е. творили откровенный разбой. Пассажиры были обобраны франками на огромную сумму в 30 тыс. динаров, а «добрый» король выдал им по 500 динаров на дорогу (Ибн-Мункыз). Усама не раз подчеркивает в своем сочинении коварство и вероломство франков, причем, весьма изощренное. Таков эпизод с Танкредом, правителем Антиохии в 1104-1112 г., который дал слово мусульманину по имени Хасанун, который был у него с визитом, что отпустит его на свободу, если он попадет к нему в плен во время сражения, и одарил Хасануна богатыми подарками. Правда, по поводу данного обещания Усама делает интересную оговорку: «Так, по крайней мере, полагал Хасанун, потому что франки говорят по-франкски, и мы не понимаем, что они говорят». Захватив затем Хасануна в плен, франки захотели выколоть ему оба глаза, но Танкред приказал выколоть ему только правый глаз для того, чтобы закрыть этому человеку обзор в бою, когда тот, оказавшись на свободе и пожелая воевать с мусульманами, будет нести щит. Этот случай служит у Усамы одним из наглядных подтверждений его сентенции относительно того, что «у франков...нет ни одного из достоинств, присущих людям, кроме храбрости». В другом случае, Усама повествует о том, как жители Шейзара, родного города этого автора, ограбили и убили группу в 700-800 паломников, заблудившихся в пути и ошибочно пришедших в этот населенный пункт. Особенно отвратительно выглядел поступок одной женщины, описываемый Усамой. Одного из этих пленников привели к ней домой. Обобрав его, она позвала соседей, которые убили пленника и других таких же несчастных, по воле случая оказавшихся в Шейзаре...^{*} Этот эпизод еще раз напоминает, насколько экстремальной была стезя пилигрима[†].

Наряду с этими и другими откровенно негативными эпизодами, Усама приводит ряд случаев, когда мусульмане и франки во время конфликтов имели дипломатические контакты, ведущие к их разрешению. В этих случаях большое значение имели личные связи представителей обеих сторон. Так, во время нападения графа Эдесского Жоселена на владения мусульман были захвачена добыча и пленные. Но благодаря визиту одного из мусульманских предводителей к Жоселену, Наджм ад-Даула Малика, с которым у графа, как пишет Усама, была давнишняя дружба, гостю был оказан почет, а скот и пленники были возвращены (Ибн-Мункыз).

Положительные контакты между враждующими сторонами, как ни парадоксально, имели место и во время сражений, когда порой имели место «братания» крестоносцев и воинов ислама. Во время осады Акры, несмотря на ожесточенные боестолкновения, те и другие «настолько привыкли друг к другу, встречаюсь в бою, что иногда мусульманин и франк выходили из боя, чтобы поговорить. Иногда противники собирались вместе, пели и танцевали, до такой степени они узнали друг друга, а затем продолжали воевать». Дело дошло до того, что был устроен борцовский «турнир» между двумя отрядами подростков с двух сторон (Баха ад-Дин, 2009: 158). О фактах дружбы франков и мусульман говорят и сообщения Усамы ибн Мункыза, например, это: «Многие франки обосновались в наших землях и подружились с мусульманами, эти франки гораздо лучше тех, кто недавно приехал из франкских стран, но они исключение, по которому нельзя судить вообще» (Ибн Мункыз). Этот фрагмент сочинения Усамы наглядно свидетельствует о том, что крестоносцы «первой волны», т.н. пулены, адаптировавшись в местных условиях, сумели в известной мере приспособиться к традициям и культуре местного населения. К данному наблюдению Усама возвращается не раз. В другом месте своего труда он вновь замечает, что «все франки, лишь недавно переселившиеся из франкских областей на восток, отличаются более грубыми нравами, чем те, которые обосновались здесь и долго общались с мусульманами». И это

^{*} Конечно, погибшие таким образом паломники получили то, к чему они, в идеале, стремились – мученическому венцу, уподобившись при этом Господу (у мусульман умерший во время хаджа также становится мучеником – шахидом). Но если бы у них был выбор – погибнуть или остаться в живых – выбрали ли бы они мученический «сценарий»?

[†] Тот же Усама описывает случай, когда сын одной женщины, выданной замуж за франка (по-видимому, не по ее воле) и убившей своего супруга, хитростью заманивал франкских паломников и затем убивал их с помощью матери, которая, надо думать, продолжала мстить за свою неудавшуюся судьбу.

верное заключение. В каких-то случаях уровень адаптации пуленов мог достигнуть и состояния, близкого к аккультурации.

Здесь стоит вспомнить эпизод из Третьего крестового похода, описанный у Баха ад-Дина. Желая захватить мощную крепость Шакиф Арнун (Бофор или Бельфор), принадлежавшую тамплиерам, Салах ад-Дин прибыл с войсками под ее стены. В лагерь султана явился граф Рено Сидонский, командовавший в этой крепости, который решил действовать хитростью, видя большое преимущество противника, обложившего крестоносцев со всех сторон. Он буквально покорил всех своими манерами, которые Баха ад-Дин назвал очаровательными. Зная арабский язык, разбираясь в истории и религии ислама, Рено и в следующие свои посещения вел компетентные богословские споры с Салах ад-Дином, будучи при этом изысканно политичен, говоря «очень хорошо и выражал свои мысли с великой скромностью и учтивостью» (Баха ад-Дин, 2009: 140). Он заявил султану, что он его слуга, пообещал сдать крепость, и испросил себе убежище в Дамаске после своей предполагаемой сдачи, а также дохода, достаточного для содержания себя и семьи на новом месте... Одним словом, Рено Сидонский три месяца успешно водил мудрого Салах ад-Дина за нос. Игра Рено была, наконец, понята мусульманами, в связи с чем Баха ад-Дин называл его в своей рукописи, как проклятого Аллахом человека (куда только делись его очаровательные манеры?), но время было безнадежно упущено. Рено великолепно играл свою роль до самого конца. В финале срежиссированного им спектакля он разыграл сцену, в которой, находясь в окружении нескольких офицеров султана, «велел своим людям сдать замок, но получил отказ». Затем, к нему из замка вызвали священника, с которым Рено поговорил на «их языке», причем, вполне возможно, что не по-французски, а на латыни, которую мусульмане, вероятно, не знали, после чего крестоносцы стали оказывать еще большее сопротивление... Пленника доставили обратно в лагерь мусульман, применили «ужасные угрозы», но все было напрасно (Баха ад-Дин, 2009: 150).

Высказанное выше предостережение Усама основывалось не на пустом месте – таких выходцев из Европы, как Рено Сидонский, было немного. Остальных Усама ибн Мункыз буквально клеймит следующей фразой, которая закрепляет его негативные выпады против них: «Всякий, кто хорошо понимает дела франков... увидит во франках только животных, обладающих достоинством доблести в сражениях и ничем больше, так же как и животные обладают доблестью и храбростью при нападении». При этом Усама имел друзей среди европейцев, о чем сообщает сам. Так, в войсках короля Фулько был всадник, который, как пишет ибн Мункыз, пользовался большим почетом и подружился с этим автором. Он называл Усаму «брат мой». «Между нами была большая дружба, и мы часто посещали друг друга» - сообщает этот мусульманский писатель и рыцарь. Кстати, Усама не называет его по имени; как такое может быть между названными братьями? Ответ один – это «братство» или «дружба» до некоего предела, когда «брат», по сути дела, не субъектен. Тот, кто именовал Усаму «братом» предложит ему взять его сына с собой в Европу, чтобы он там познакомился с рыцарями и рыцарскими обычаями, стал «настоящим умным человеком». Но для ибн Мункыза это предложение его «друга» было полным безумием («плен не был бы тяжелее, чем поездка в страну франков»). Под благовидным предлогом он отказался от него. Еще одним выразительным эпизодом, который показывает истинное отношение мусульман к дружбе с франками, является тот, когда Усама описывает впечатление своего товарища-единоверца, вместе с большим другом ибн-Мункыза из числа франков, занимавших высокое положение, побывавшего в гостях у одного рыцаря в Антиохии. Мусульманин держался в гостях настороженно, так как опасался съесть что-либо «нехаляльное», но получив заверения хозяина в том, что на столе нет свиного мяса, приступил к трапезе, хотя и соблюдал осторожность. Через некоторое время после этого застолья гость рыцаря проходил по местному рынку и был опознан одной христианкой, которая узнала в нем убийцу своего брата. Но тот самый рыцарь спас своего бывшего гостя, заявив, что это купец, который не принимает участие в боях. Ключевое значение имеет вывод из этой истории. Рассказавший ее Усаме человек резюмировал: «Мое спасение от смерти было следствием того, что я у него поел» (Ибн-Мункыз). Такой вывод в устах восточного человека, мусульманина, звучит нарочито абсурдно. Есть такое понятие, как законы гостеприимства. Когда кто-то с кем-то «преломил хлеб», это имеет важное ритуальное и социо-ментальное значение. Уж где-где, а на Востоке знали и знают очень

хорошо, что гостя нужно не только накормить, но и защитить. Поэтому Усама ибн-Мункыз, с одной стороны, подтверждает свой вывод о том, что франки-старожилы лучше недавних пришельцев из Европы, но с другой - не «поправляя» своего информанта, дает понять, что эта адаптированность завоевателей к местным нравам вовсе не извиняет их действий в целом как и присутствия на Востоке. Дружба с европейцами, среди которых у Усамы были и такие влиятельные (хотя одновременно и одиозные: вспомним отношение к ним Салах ад-Дина!) люди, как тамплиеры, хорошо адаптированные к культуре Востока*, открывала возможность для контактов в условиях сложной обстановки постоянных войн и столкновений и решения жизненных проблем. Она имела у этого представителя мира ислама (и не только его одного) преимущественно прагматический и ограниченный временем и ситуациями характер, связанный, например, с необходимостью выкупа своих единоверцев из плена (этот автор был посредником в таких операциях между европейцами и мусульманами) (Ибн-Мункыз), но не сопряженный с привязанностями чисто человеческого характера.

Это обстоятельство ярко подтверждает и такой эпизод. По рассказу все того же Усамы ибн-Мункыза, мусульмане взяли в плен некоего Роберта, владельца двух замков, который был в то время другом атабега Дамаска Туттегина и Наджм ад-Дина Ильгази, и вместе с ними действовал против другого мусульманского предводителя Бурсука ибн-Бурсука. Судя по тексту Усамы, Роберт готов был оказать самое широкое гостеприимство атабегу, говоря: «Отдаю тебе во власть всю мою страну» (это напоминает формулы вроде: «Ты мой гость, все мое – твое»). Но вот Роберт попал в плен к своим «друзьям» (!), которых вполне можно назвать «заклятыми». Один из них, Наджм ад-Дин, отослал его другому, т.е. атабегу Дамаска. И тот, увидев приближающегося Роберта, вышел к своему «другу» и без лишних слов отрубил ему голову мечом. После чего Туттегин получил выговор от Наджм ад-Дин, который, цинично рассчитывая получить за «друга» десять тысяч динаров выкупа, оказывается, отправил Роберта к Туттегину, чтобы тот попугал пленника на предмет увеличения «цены вопроса». Атабег грубовато отшутился: «Я не умею лучше пугать, чем так»[†] (Ибн-Мункыз). Впрочем, и франки вели себя в таких же ситуациях не намного лучше (см. выше историю о Танкреде и Хасануне).

Особенно негативны наблюдения Усамы о бытовой, а также медицинской культуре и практиках европейцев. То, что творят европейские врачеватели в сочинениях этого автора со своими пациентами, похоже, скорее, на пытки или чудовищные издевательства, но порой и просто обыкновенные убийства (Басов, Глаголько, 2010: 15). В то же время, не будем забывать, что уровень европейской медицины в то время оставлял желать много лучшего*, так что в рассказах Усамы можно увидеть карикатуры на европейские методы лечения.

Не лучше и то, что Усама ибн-Мункыз рассказывает о повседневных привычках франков, связанных с поведением на улице, дома, и прежде всего в бане, особенно с участием женщин. Данные ситуации превосходно разобраны К. Хилленбранд (Хилленбранд, 2008: 267-339), поэтому здесь нет необходимости их пересказывать. Отметим самое главное. Как полагает этот исследователь, между Усамой и его читателями существует некий тайный сговор, когда он сознательно описывает странные чудачества франков. Историк считает, что данный автор сознательно эксплуатирует целый ряд предрассудков и предубеждений по отношению к франкам, зная, что его читатели разделяют эти взгляды и

* Об этом говорит и известный случай с посещением Усамой ибн Мункызом маленькой мечети, превращенной в церковь, рядом со знаменитой Аль-Аксой, где ему разрешили молиться его друзья-тамплиеры. Когда Усама начал молиться по кибле, т.е. на юг, некий франк, который оказался числа недавно прибывших в Святую землю людей, неоднократно пытался заставить мусульманина совершать молитву, обратившись на восток. Объяснившие Усаме причину конфликта тамплиеры избавили своего друга от назойливого блюстителя канонов христианства, оттащив того в сторону (Ибн Мункыз).

[†] Данная ситуация очень напоминает некоторые эпизоды отношений горцев и русских на Северном Кавказе в первой половине – середине XIX в., когда горец мог сказать своему русскому кунаку: «Я мирный, а в горах не попадайся».

* О том, что «плохи наши лекаря», писал еще М.Ю. Лермонтов много веков спустя. Между тем, как известно, россияне во время «Кавказской войны» в критических случаях обращались к горским «хакимам», носителям традиций восточной медицины.

им понравятся иллюстрирующие их истории. «Баннные сцены», описываемые Усамой, вписали в себя все представления мусульман о франках, как грубых, безнравственных, дурно воспитанных людях, у которых нет должного уважения к своим женщинам. Параллельно, высмеивая ситуации, которые, по сути, представляют собой готовый анекдот, автор укрепляет ценности мусульманского общества, к которым негласно адресована мораль, обращенная к читателю. При этом Усама не только выставляет франков, как людей, у которых нет этикета цивилизованных людей. То, например, что некий муж-европеец является рогоносцем, увязывается с тем, что он виноторговец. Одно неприемлемое для мусульманина свойство мужчины, обусловлено другим, запрещенным Кораном в принципе для любого члена исламского общества занятием (К.: 5:92:90; 5:93:91).

О нюансах взаимоотношений и образов друг друга, возникавших между мусульманами и крестоносцами можно было бы говорить еще долго. Отсылая читателя к многочисленным работам специалистов по крестовым походам, подведем итоги нашего анализа.

4. Заключение

В течение почти двух столетий крестоносцы и мусульмане жили бок о бок в Сирии, однако это не привело к взаимному пониманию. Литературные источники, описывающие походы, как мусульман, так крестоносцев, создали ограниченный набор отрицательных стереотипов. На них основывается, с одной стороны, пренебрежительное, усугубленное страхом и презрением, отношение христианского мира к средневековым мусульманам, с другой – мусульманский образ христиан (Уотт, 1976: 119). Арабские источники неизменно рисуют франков как отвратительных, грязных и похотливых животных, сам контакт с которыми оскверняет. Храм Гроба Господня именуется «церковью отбросов», т.е. носителем ритуальной нечистоты. Христианские священники, по утверждению этих источников, будто бы склоняют прихожанок к проституции. Панегирист Салах-ад-дина, Имад ад-Дин ал-Исфахани называет франков не иначе, как «мушиным роем» и «бескрылой саранчой». Страна франков, т.е. территория христианской Европы, расположенная за Пиренеями, у арабов еще ранее была известна как Ифранджа, а у персов и тюрок как Фаранджистан. Как подчеркивает К. Хилленбранд, слово ал-ифранджи («франкский») использовалось как одно из обозначений сифилиса, который именовали «франкской язвой». Кроме этих названий крестоносцы были известны под различными стереотипными уничижительными именами и оскорбительными эпитетами вроде «дьяволы», «собаки», «свиньи» и т.п. (Хилленбранд, 2008: 295).

Тем не менее, является фактом то, что представители мусульманской и франкской военной аристократии не только воевали друг с другом, но и поддерживали дипломатические и светские отношения (это мы видели выше на репрезентативном примере жизни Усамы ибн-Мункыза и некоторых других представителей мусульманского Востока). Им случалось приятно проводить время в обществе друг друга, вместе обедать, охотиться, вести утонченные беседы о религии ислама (Салах ад-Дин и Рено Сидонский), называть друг друга «братьями». Тот же Усама имел возможность совершать намаз в бывшей мечети, куда его допускали друзья-тамплиеры и даже оберегали там от наскоков христиан-ортодоксов. Но попадаться друг другу на поле битвы им не следовало: названных «друзей» убивали или калечили*. Мусульмане и христиане торговали друг с другом, купцы постоянно курсировали между Дамаском и христианской Акрой. Ибн Джубайр отмечал, что «солдаты занимались своей войной, а люди жили мирно». Однако, несмотря на подчас тесные связи мусульман с христианами, культурообмен был не столь велик. Близость совсем не обязательно подразумевает понимание и искреннюю дружбу. Согласно трактату «Море драгоценных добродетелей», книги чужеземцев не заслуживали того, чтобы их читали; к

* В качестве удаленной исторической параллели напрашивается еще один эпизод из событий на Северном Кавказе в середине XIX в. Когда на поле сражения встретились офицер Генштаба, военный разведчик Ф.Ф. Торнау и хаджи Джансеид, один из трех беглых кабардинцев, у которых россиянин два с лишним года находился в плену, они, увидев друг друга издали, раскланялись как два старых приятеля. Но затем хаджи бросился вместе с отрядом горцев рубить казаков, засевших в рощице, а Торнау отправил на помощь сослуживцам орудие. Картечный залп прервал жизненный путь хаджи Джансеида (Торнау, 2000: 295).

тому же «любой, кто верит в рождение Бога из чрева женщины, совершенно безумен; с ним не следует разговаривать, у него нет ни разума, ни веры» (Райли-Смит и др., 1998: 317). И это подтверждается еще одним фрагментом из сочинения Усамы ибн-Мункыза, когда мусульмане были неприятно поражены, увидев на иконе изображение младенца Иисуса с Богоматерью, принесенное одним из крестоносцев эмиру Му'ин ад-Дину. И это можно понять, ибо в Коран неоднократно подчеркивается, что у Всевышнего Аллаха нет ни друзей, ни детей, ни сотоварищей (К.: 3:57-64; 4:51:48; 4:116:116 и др.), а попытка приписать их ему является, по сути, ересью.

Из мусульманских источников мы находим свидетельство того, что некоторые франки знали арабский (например, об этом свидетельствуют Усама и Баха-ад-Дин). Видимо, они учили этот язык с практическими целями. Одиозный Райнальд де Шатийон, правитель Керака, знал арабский и находился в тесных сношениях с бедуинами Трансиордании. Райнальд (Рено) Сидонский не только говорил по-арабски, но и взял к себе на службу арабского учёного для составления комментариев к книгам на этом языке и компетентно обсуждал, как уже было сказано выше, религиозные темы с представителями мусульманской элиты. Однако на Латинском Востоке очень мало было переведено арабских книг, да и арабы со своей стороны не проявляли никакого интереса к западной литературе. Мусульманские и христианские аристократы на Ближнем Востоке могли восхищаться доблестью друг друга, но, чаще всего, не интересовались чужой культурой. Даже тогда, когда познания мусульман о франках стали более глубокими, мусульмане продолжали придерживаться старых полемических позиций в отношении христианства. В культурном отношении крестоносцы на Ближнем Востоке испытали на себе привлекательность некоторых черт мусульманской жизни и по возвращении домой пытались подражать им. В государствах крестоносцев было сделано несколько переводов арабских трудов на латынь. Совершенно очевидно, что крестовые походы вызвали среди европейских ученых и рост интереса к исламу как религии. Что же касается мусульман, то время их интереса к культуре Запада еще не наступило. Визуальные образы же его жителей, как и их соседей по Восточному Средиземноморью, в отличие от европейцев, интересовавшихся миром ислама и изображавших его и самих мусульман и пусть и в неточном, ошибочном, и даже искаженном виде (Лучицкая, 2001), носителей ислама не занимали. Можно, конечно, сказать, что в исламе был запрет на изображения. Однако во времена крестовых походов он был далеко не абсолютным (Лекции по истории средневекового Востока, 2017: 58-59). Будучи ревностными блюстителями идеи ритуальной чистоты и фанатичными сторонниками своего вероучения, что весьма характерно для религиозной идеологии средних веков, мусульмане не хотели пятнать себя контактами с «неверными». В недалеком будущем это привело к отставанию мира ислама от Европы, его торможению и попаданию в зависимость от некогда проигравшего ему «крестовые войны» соперника.

Литература

Деяния франков и прочих иерусалимцев, 2010 – Деяния франков и прочих иерусалимцев. Перевод на русский язык и комментарий: учебно-методическое пособие/ Мякин Т.Г., Пиков Г.Г., Портных В.Л. Новосибирск. гос. ун-т. Новосибирск, 2010. 251 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://metodichka.x-pdf.ru/15istoriya/638207-1-deyaniya-frankov-prochih-ierusalimcev-perevod-russkiy-yazik-kommentariy-uchebno-metodicheskoe-posobie-novosibirsk-udk-94.php>

Басов, Глаголько, 2010 – Басов И.И., Глаголько Т.Г. Система взаимоотношений европейцев и мусульман в XII-XIII веках (времена первых крестовых походов) / Под ред. С.Л. Дударева. Армавир, 2010. 28 с.

Баха-ад-Дин, 2009 – Баха-ад-Дин Абу-л-Махасин Йусуф ибн Рафиш ибн Тамим. Саладин. Победитель крестоносцев. СПб.: Диля, 2009. 432 с.

Бернард, 2003 – Бернард Л. Ислам и Запад (диалог). М., 2003. 320 с.

Ибн Мункыз – Ибн Мункыз Усама. Книга Назидания (Китаб ал-и'Тибар) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.e-reading.club/book.php?book=73550> (дата обращения: 15.05.19).

Ибн Джубайр – Ибн Джубайр. Путешествие просвещенного писателя, добродетельного, проникательного Абу-л-Хусайна Мухаммада Ибн Ахмада Ибн Джубайра

Ал-Кинани Ал-Андалуси Ал-Баланси, да будет милосерден к нему Аллах. [Электронный ресурс]. URL: <http://vostlit.narod.ru/Texts/rus7/Jubeir/framepred.htm> (дата обращения: 15.05.19).

Ибн ал Асир – *Ибн ал Асир*. Полный свод всеобщей истории / История крестовых походов в документах и материалах / Ред. М. А. Заборов. М., 1977. С. 62-63.

История Европы, 1992 – История Европы. Т.2. Средневековая Европа. М.: Наука, 1992. 808 с.

История Востока, 2002 – История Востока. В 6 т. Т.2. Восток в средние века. М.: Восточная литература, 2002. 716 с.

Коран – Коран. Пер. Ю.И. Крачковского. Изд. 2-е. М.: Главная редакция восточной литературы «Наука», 1986. 495 с.

Лекции по истории средневекового Востока, 2017 – Лекции по истории средневекового Востока / Под ред. С.Л. Дударева. Армавир, 2017. 152 с.

Лучицкая, 2001 – *Лучицкая С.И.* Образ Другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб.: Алетейя, 2001. 412 с.

Лучицкая, 2006 – *Лучицкая С.И.* Христианско-мусульманская полемика по поводу изображений в эпоху крестовых походов / Одиссей. Человек в истории. Феодализм под судом историков. М.: Наука, 2006. С. 319-350.

Маалуф, 2006 – *Маалуф А.* Крестовые походы глазами арабов. 2006 [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/book/maaluf_amin/krestovie_pohodi_glazami_arabov.html (дата обращения: 25.05.19).

Мец, 1996 – *Мец А.* Мусульманский Ренессанс. М.: «ВиМ», 1996. 544 с.

Райли-Смит и др., 1998 – *Райли-Смит Дж., Булл М., Ллойд С. и др.* История крестовых походов / Пер. с англ. Е. Дормана. М., 1998. 495 с.

Торнау, 2000 – *Торнау Ф.Ф.* Воспоминания кавказского офицера. М.: АИРО-XX, 2000. 368 с.

Саид, 2006 – *Саид Э.В.* Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб.: Русский мир, 2006. 638 с.

Уотт, 1976 – *Уотт У.М.* Влияние ислама на средневековую Европу. М., 1976. 128 с.

Хилленбранд, 2008 – *Хилленбранд К.* Крестовые походы. Взгляд с Востока: мусульманская перспектива. СПб.: Диля, 2008. 672 с.

Шамдор, 2004 – *Шамдор А.* Саладин: благородный герой ислама. СПб., 2004. 352 с.

References

Deyaniya frankov i prochih ierusalimcev, 2010 – Deyaniya frankov i prochih ierusalimcev [The Acts of the Franks and Other Jerusalemmites]. Perevod na russkij yazyk i kommentarij: uchebno-metodicheskoe posobie. Myakin T.G., Pikov G.G., Portnyh V.L. Novosibirsk. gos. un-t. Novosibirsk, 2010. 251 p. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://metodichka.x-pdf.ru/15istoriya/638207-1-deyaniya-frankov-prochih-ierusalimcev-perevod-russkiy-yazik-kommentariy-uchebno-metodicheskoe-posobie-novosibirsk-udk-94.php> [in Russian]

Basov, Glagol'ko, 2010 – *Basov I.I., Glagol'ko T.G.* (2010). Sistema vzaimootnoshenij evropejcev i musul'man v XII-XIII vekah (vremena pervyh krestovyh pohodov) [The system of relations between Europeans and Muslims in the XII-XIII centuries (the times of the first crusades)]. Pod red. S.L. Dudareva. Armavir, 28 p. [in Russian]

Baha-ad-Din, 2009 – *Baha-ad-Din Abu-l-Mahasin Jusuf ibn Rafii ibn Tamim* (2009). Saladin. Pobeditel' krestonoscev [Saladin. The winner of the crusaders]. SPb.: Dilya, 432 p. [in Russian]

Bernard, 2003 – *Bernard L.* (2003). Islam i Zapad (dialog) [Islam and the West (dialog)]. M., 320 p. [in Russian]

Ibn Munkyz – *Ibn Munkyz Usama*. Kniga Nazidaniya (Kitab al-i'Tibar) [Book of Edification] [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.e-reading.club/book.php?book=73550> (data obrashcheniya: 15.05.19). [in Russian]

Ibn Dzhubajr – *Ibn Dzhubajr*. Puteshestvie prosveshchennogo pisatelya, dobrodetel'nogo, pronicatel'nogo Abu-l-Husajna Muhammada Ibn Ahmada Ibn Dzhubajra Al-Kinani Al-Andalusi Al-Balansi, da budet miloserden k nemu Allah [The journey of an enlightened writer, virtuous, insightful Abu l-Husayn Muhammad Ibn Ahmad Ibn Jubair Al-Kinani Al-Andalusi Al-Balansi, may Allah be

merciful to him]. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://vostlit.narod.ru/Texts/rus7/Jubeir/framepred.htm> (data obrashcheniya: 15.05.19) [in Russian]

Ibn al Asir – *Ibn al Asir* (1977). Polnyj svod vseobshchej istorii [Complete set of general history]. Istoriya krestovyh pohodov v dokumentah i materialah. Red. M. A. Zaborov. M. P. 62-63. [in Russian]

Istoriya Evropy, 1992 – Istoriya Evropy [History of Europe]. T.2. Srednevekovaya Evropa. M.: Nauka, 808 p. [in Russian]

Istoriya Vostoka, 2002 – Istoriya Vostoka [History of the East]. V 6 t. T.2. Vostok v srednie veka. M.: Vostochnaya literatura, 716 p. [in Russian]

Koran – Koran. Per. Yu.I. Krachkovskogo. Izd. 2-e. M.: Glavnaya redakciya vostochnoj literatury «Nauka», 1986. 495 p. [in Russian]

Lekcii po istorii srednevekovogo Vostoka, 2017 – Lekcii po istorii srednevekovogo Vostoka [Lectures on the history of the medieval East]. Pod red. S.L. Dudareva. Armavir, 2017. 152 p. [in Russian]

Luchickaya, 2001 – *Luchickaya S.I.* (2001). Obraz Drugogo: musul'mane v hronikah krestovyh pohodov [Image of the Other: Muslims in the chronicles of the Crusades]. SPb.: Aleteja, 412 p. [in Russian]

Luchickaya, 2006 – *Luchickaya S.I.* (2006). Hristiansko-musul'manskaya polemika po povodu izobrazhenij v epohu krestovyh pohodov [Image of the Other: Muslims in the chronicles of the Crusades]. Odissej. Chelovek v istorii. Feodalizm pod sudom istorikov. M.: Nauka, pp. 319-350. [in Russian]

Maaluf, 2006 – *Maaluf A.* (2006). Krestovye pohody glazami arabov [Crusades through the eyes of the Arabs]. [Elektronnyj resurs]. URL: https://royallib.com/book/maaluf_amin/krestovie_pohodi_glazami_arabov.html (data obrashcheniya: 25.05.19). [in Russian]

Mec, 1996 – *Mec A.* (1996). Musul'manskij Renessans [Muslim renaissance]. M.: «ViM», 544 p. [in Russian]

Rajli Smit i dr., 1998 – *Rajli Smit Dzh., Bull M., Llojd S. i dr.* (1998). Istoriya krestovyh pohodov [History of the Crusades]. Per. s angl. E. Dormana. M., 495 p. [in Russian]

Tornau, 2000 – *Tornau F.F.* (2000). Vospominaniya kavkazskogo oficera [Memoirs of a Caucasian officer]. M.: AIRO-HH, 368 p. [in Russian]

Uott, 1976 – *Uott U.M.* (1976). Vliyanie islama na srednevekovuyu Evropu [The influence of Islam on medieval Europe]. M., 128 p. [in Russian]

Hillenbrand, 2008 – *Hillenbrand K.* (2008). Krestovye pohody. Vzglyad s Vostoka: musul'manskaya perspektiva [Crusades. A look from the East: a Muslim perspective]. SPb.: Dilya, 672 p. [in Russian]

Said, 2006 – *Said E.V.* (2006). Orientalizm. Zapadnye koncepcii Vostoka [Orientalism. Western concept of the East]. SPb.: Russkij mir, 638 p. [in Russian]

Shamdor, 2004 – *Shamdor A.* (2004). Saladin: blagorodnyj geroj islama [Saladin: a noble hero of Islam]. SPb., 352 p. [in Russian]

Отношение мусульман к христианам в Восточном Средиземноморье и образ европейца в произведениях мусульманских авторов эпохи крестовых походов

Сергей Леонидович Дударев ^{a, *}

^a Армавирский государственный педагогический университет, Российская Федерация

Аннотация. В данной статье представлены результаты сравнительного анализа ряда произведений средневековых мусульманских авторов, рассматривавших положение населения завоеванных крестоносцами областей Ближнего Востока и в этой связи дававших свои характеристики пришельцам с точки зрения отношения своего восприятия их культуры, обычаев, нравов, привычек и т.п. Оценки восточных авторов средневековья,

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: dudarev51@mail.ru (С.Л. Дударев)

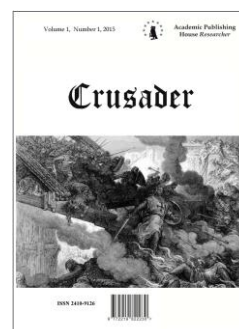
дававшихся европейским пришельцам, как правило, основаны на отрицательных стереотипах и изобилуют негативными эпитетами, хотя одновременно отмечают и доблесть западных воинов. Они являются следствием как прямых военных столкновений с крестоносцами, пришедшими на землю Востока с завоевательными целями, и угнетавшими местное население, так и стойкого непонимания чужой культурной традиции. Последнее происходило как от недостаточной степени межкультурного обмена, во многом обусловленной религиозными предписаниями, содержащими идею ритуальной нечистоты «неверных», так и от чувства превосходства своей культуры. Не последнюю роль в возникновении негативного отношения к европейским пришельцам сыграло и восприятие мусульманами их географического пространства, наделяемого отрицательными коннотациями.

Ключевые слова: христианство, ислам, «ориентализм», крестовые походы, Восточное Средиземноморье, зимми (ахл-аз-зимма), пулены, «церковь отбросов», аль-ифранджи.

Copyright © 2018 by Academic Publishing House *Researcher* s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Crusader
 Has been issued since 2015.
 E-ISSN: 2413-7502
 Vol. 6, Is. 1, pp. 17-23, 2018

DOI: 10.13187/crus.2018.6.17

www.ejournal29.com

Letters to the Editor

To the Issue of the Appearance of Knightly (Crusader) Orders

Merab Surguladze ^{a,*}^a Independent researcher, Georgia

Abstract

The work examines the history of the emergence of knightly crusader orders, focuses on a number of controversial interpretations, including the appearance of the Holy Grail among the crusaders. The topic of the relationship of the Roman Church in the establishing of crusader orders is touched. The work reflects the theme of the military organization of military monastic and knightly crusader orders.

Keywords: crusaders, the emergence of orders, the Holy Sepulcher, monks, Templars, Hospitallars.

Наиболее ярко дух крестовых походов отразился в духовных рыцарских орденах. Это военно-монашеские ордена способствовали упрочению положения крестоносцев в начале XI века в Палестине, хотя утвердились они и на Западе, а впоследствии распространили своё влияние далеко за пределы своей первоначальной сферы деятельности.

Как известно, монашеские ордена возникли на заре христианства, ещё до того, как европейский мир был разделён на западную и восточную религиозные сферы – церкви.

Слово «орден» переводится с латинского языка как «заказ». Этот тип религиозной общины не был присущ в восточных христианских территориях и государствах, где преобладало византийское влияние. Там существовали монашеские братства Святого Якова, Святого Георгия и т. д. На западе же в странах, где преобладало влияние Рима были ордена, многие из которых существуют и сегодня. Некоторые из них возникли ещё до крестовых походов, а другие образовались позже. К ним можно отнести ордена Августинцев, Доминиканцев, Цестерцианцев, Францисканцев, Кармелитов, Иезуитов и др.

Самым древним орденом следует считать Орден рыцарей Римской Церкви Святого Гроба Господня, который был основан императором Константином Великим в 326 г. Как известно, христианские паломники начали посещать Иерусалим с тех пор, как в IV веке императрица Елена (впоследствии была причислена к лику святых), его мать, обнаружила там Истинный Крест. С этой целью была создана специальная экспедиция, в которую вошли наиболее видные историки и представители христианской церкви Римской империи. Она долгое время пыталась обрести (найти) крест, на котором был распят Иисус Христос.

* Corresponding author

E-mail addresses: merab19172017@gmail.com (M. Surguladze)

Наконец, один еврей рассказал ей со слов своих предков, что дерево, послужившее для крестной смерти, было брошено тут же – вблизи места казни.

Императрица Елена приказала рабочим копать на том месте, где раньше находился ров (или лощина), который евреи прозвали «юдолью мёртвых», ибо туда повергали распятых с их крестами. Туда же впоследствии был сброшен и крест Иисуса Христа. После долгой и упорной работы рабочие нашли три креста, который из них был крестом Иисуса – никто не мог понять. В это время мимо проносили покойника для погребения. Благоверная императрица Елена остановила несущих и приказала возложить на покойника последовательно все три креста. При возложении первых двух ничего особенного не произошло, но когда был возложен третий крест, покойник сразу же ожил. Этот крест, ставший впоследствии церковной реликвией христиан, был разделён на множество мелких частиц и уже в IV веке эти части были распространены не только по всем приходам Римской империи, но и в другие страны, где существовала христианская вера. Именно тогда и попали эти священные реликвии в Грузию. В тот период император возвёл также и базилику рядом с анастасисом, зданием в форме ротонды, построенной вокруг могилы Христа, которое должно было охраняться. Видимо, отсюда и пошло высказывание «Хранители Гроба Господня». Строительство продолжалось в течение десяти лет. Освещение церкви Святого Гроба превратилось в народное торжество. Верующие, собравшиеся со всех концов Римской империи, вместо тёмной пещеры увидели прекрасный мраморный храм, вымощенный блестящими камнями и украшенный стройной колоннадой. Елена, мать Константина Великого, сама до этого присутствовала и наблюдала за строительством Церкви Воскресения и Елеонской базилики на горе Олив (Елеонской горе).

Апостолы и святые отцы свидетельствуют, что при Воскресении Иисуса Христа Гроб Его осветился невестественным светом. Так, например, Григорий Нисский писал: «Пётр видел же не только чувственными очами, но и высоким апостольским умом, исполнен ибо был Гроб света, так что, хотя и ночь была, однако... образы видел внутренняя».

Первое упоминание о получении Благодатного огня сохранилось с IV века, с самого основания храма Воскресения. Божественный свет стал появляться у Гроба Господня в Великую субботу как знак того, что Иисус Христос «воистину воскрес». Ни на один год с тех пор не прерывалось свидетельство Благодати, данной храму Воскресения, а Благодатный Священный Огонь – яркое тому подтверждение.

Император Константин в своём лице сосредоточил как высшую светскую, так и церковную власть. Он был главным военным командиром и верховным судьёй этого ордена. Рыцари, воины или же «Хранители Гроба Господня» выполняли двойную функцию: военно-полицейскую и охранную. Крест этого ордена впоследствии был включён в гербы некоторых государств. Например, в гербы герцогства Афинского, Кипрского королевства, Савойско-Неаполитанского королевства, Испании, Португалии и Бразилии.

Этот орден с его символикой упоминается и во времена первого крестового похода, когда Готфрид Бульонский собрал вокруг себя группу рыцарей, которым поручил защиту церкви, известной под названием как Церковь Святого Гроба Господня. На протяжении двадцати лет эти рыцари, а также и те, кто к ним впоследствии присоединился, охраняли Святой Гроб. На их знамени был изображён красный крест Иерусалимского королевства.

В 1113 году папа Пасхалий II признал их существование и миссию, а в 1122 году другой папа Калликст II обнародовал буллу, в которой учредил этот орден, как особое духовное сообщество с особой обязанностью нести охрану у базилики Святого Гроба и защищать христианский Иерусалим от мусульман. Впоследствии этот орден существовал и в последующих крестовых походах, участвуя с другими рыцарскими орденами во многих битвах.

Во французском Уставе тамплиеров, в одной из статей говорится следующее: «... Всё остальное, что подобает для службе Господу нашему, каждый должен делать, прилагая к этому усилия, какие возможно, и по нашим установлениям, что взяты из установлений (Стражей) Гроба Господня» ([Текст Французского Устава ордена Храма, статья 363](#)).

Следующим по своей силе и влиянию можно посчитать орден госпитальеров, или же иоаннитов. При самом возникновении он примкнул к одной скромной общине, существовавшей в Иерусалиме уже довольно давно. Панталеон Мауро, богатый горожанин из Амальфи, основал здесь монастырь Maria delia Latina, который должен был служить

приютом для купцов, приезжавших в Иерусалим с его родины (отсюда и происходит его название “*hospitalis*” - «гость»). Основателем этого ордена считается провансальский рыцарь Жерар Том. Орден особенно развил свою бурную деятельность с 1099 г., после взятия Иерусалима, когда девять молодых аристократов, пришедших в Святую землю с первыми крестоносцами, решили посвятить себя попечению и заботе о беспомощных странниках и заболевших пилигримах. Орден носил имя патриарха Александрийского, жившего в VII веке – Святого Иоанна.

Иоанниты (госпитальеры) не ограничивались только Палестиной и Сирией, а строили госпитали и в других европейских городах, откуда чаще всего начинали свой путь паломники: в Марселе, Отранто, Мессине, Бари, а также в Константинополе, где уже тогда функционировал госпиталь Святого Симеона.

Впоследствии, при великом магистре Раймунде де Пюи (1120-1160) орден превратился преимущественно в рыцарское объединение, оставив попечение за больными священникам.

Ещё раньше, в 1113 г., папа Пасхалий II утвердил устав ордена, предоставив ему, как и тамплиерам, ряд привилегий, главной же была та, что оба ордена были выведены из подчинения администрации Иерусалимского королевства, как светской, так и церковной, и подпали под юрисдикцию Рима.

По утверждению многих западных историков и публицистов образование ордена тамплиеров произошло по инициативе какого-то другого ордена, который создал в их лице скрытую военную и монашескую организацию. Этот орден выступал под различными названиями, самое известное из которых – “*Prieure de Sion*” («монастырь» или «приорат» Сиона). Его великими магистрами, как оказалось впоследствии, были многие представители науки и культуры Западной Европы. Несмотря на роспуск и преследование тамплиеров в 1307-1312 гг., «Приорат Сиона» оставался в неприкосновенности и выполнял свои функции в течение многих столетий.

Естественно, призывая христиан Западной Европы в крестовый поход, папа Урбан II должен был следить за ходом военных действий, поведением самих крестоносцев, в особенности их вождей, которые были светскими феодалами и иногда могли позволить себе большие вольности. Поэтому он послал в Палестину своего легата Адемара Монтельского с инструкциями. Риму следовало также создать такое войско, которое бы контролировало ситуацию в освобождённых землях, и было предано Святой Церкви. Оно не должно было иметь личных выгод и в походах подчинялось бы непосредственно папе. Именно благодаря этому войску папа собирался контролировать положение на Святой земле. Это было правильным решением, так как война могла продлиться на долгие годы, а централизованное руководство должно было быть сосредоточено в одних руках, и главным штабом союзников-христиан должен был стать именно Рим.

Создание духовно-рыцарских орденов – это новое слово в развитие военного искусства. Появилась превосходная, дисциплинированная тяжеловооружённая рыцарская конница, противостоять которой было очень трудно любому противнику. В этой связи хочется особо отметить боевые действия рыцарей-тамплиеров, которые покрыли себя славой в крестовых походах.

Однако, по утверждению английских авторов М. Бейли, Х. Линкольна и Р. Аэя, первым орденом, основанным на Святой земле, был орден «Приорат Сиона», о котором говорилось выше. Официально провозглашённой орденом целью были: объединённая Европа и возведение династии Меровингов на французский престол. Этот род хотя и потерял свою власть ещё в VIII веке, но не вымер, а продолжился от Дагоберта II через его сына Зигиберта IV. Он существует и в настоящее время. Благодаря династическим бракам семью Меровингов продолжил не только один из лидеров крестоносцев Готфрид Бульонский, но и другие аристократические дома, например, Монтеские или Габсбурги Лотарингские.

Интересен и тот факт, что и тамплиеры также избрали себе в покровительницы “*La douce mire de Dieu*” – «Кроткую Матерь Божию» (впоследствии и рыцари Тевтонского ордена признавали своей покровительницей Богоматерь – Авт.). Если посчитать что «Приорат Сиона» с 1099 г. после взятия Иерусалима являлся доминантом для всех рыцарских орденов и связующим звеном между Святой землёй и Римом, то становится ясным и то, что

в Палестине уже тогда были созданы ордена госпитальеров и тамплиеров. Последний должен был стать ударной боевой единицей Рима.

Нужно особо отметить, что понятие «военно-монашеский орден» отличается от понятия «рыцарский орден». В западных странах в разные периоды истории возникали рыцарские ордена; но даже если орден тамплиеров был рассчитан в первую очередь на рыцарей, было бы ошибкой видеть историческую преемственность между этими понятиями. Создание ордена Храма было явлением новым и оригинальным. Тамплиеры были не монахами (*moines*), а являлись военными служителями церкви (*religieux*). Они не были представителями аристократической касты дворян, которые всегда были готовы схватиться между собой, но не считались и мирскими рыцарями, которых поносил Святой Бернар Клервосский. Тамплиеры были рыцарями Христа, «облачённые в доспехи из железа и доспехи веры».

Официально, согласно большинству источников, этот орден был создан в 1118 году девятью храбрыми рыцарями во главе с дворянином из Шампани Гуго де Пайеном, Пейном или Пейеном (*Hugo de Paganis*). В начале кроме него в орден вошли: Готфрид де Сент-Омер, Андре де Монбар, Гундомар, Годфрон, Рораль, Жофруа Битоль, Нивар де Мондезир и Аршамбо де Сен-Энъян (Лобе, 2003: 27). Однако у нас есть серьёзные основания предполагать, что к этому времени орден уже существовал не менее четырёх лет. Своё название – тамплиеры или храмовники (рыцари Храма) они получили из-за того, что их главной штаб-квартирой поначалу служило помещение, находившееся с южной стороны дворца Иерусалимского короля Балдуина I, примыкавшее к церкви Гроба Господня. В своё время она была мечетью аль-Акса, святыней мусульман – огромным сооружением XI века, которое поддерживало 200 колон. На том месте, по преданию, находился храм царя Соломона. По-французски храм – «тамплъ» (*temple*), отсюда происходит и название ордена.

Итак, Балдуин дал тамплиерам часть своего дворца, а так как он стоял недалеко от Храмовой церкви, настоятель этой церкви дал им и улицу, ведущую из церкви к дворцу. Из-за этого она стала называться улицей «Войска Храма» (*“Militia templi”*).

Тамплиеры обязались жить согласно правилам Святого Августина, клялись посвятить свою жизнь христианской вере, оказывать полное повиновение Великому магистру, подвергаться опасностям моря и войны, а когда будет приказано, из любви к Иисусу даже не отступать при встрече одного с тремя противниками. Они также приняли обет целомудрия и бедности, обещая не переходить ни в какой другой орден. Тамплиеры носили белый плащ с красным крестом на груди. Орден имел также знамя, сделанное из полосатого полотна, белого с чёрным – Босан и оно сделалось боевым кличем рыцарей. На знамени был крест с надписью: *“Non nobis domine, sed nomini tuo da gloriam”* – «Не нам, не нам, а имени Твоему». Их духовным и идейным отцом был монах Святой Бернар Клервосский, защитник всех христиан, один из авторов идеи крестовых походов.

Официальной целью тамплиеров являлась защита пилигримов на Святой земле. Тем не менее, дошедшие до нас факты свидетельствуют о том, что эта цель была лишь фасадом и, что рыцари Храма вынашивали более амбициозные и грандиозные планы, в которые были вовлечены орден Цистерцианцев, Святой Бернар Клервосский и граф Гуго Шампанский, один из первых покровителей и патронов, как цистерцианцев, так и тамплиеров. Естественно, что и Римская Апостольская Церковь также была заинтересована в осуществлении этих планов.

Впоследствии в 1124 г. граф Шампанский сам стал тамплиером, а первым Великим магистром ордена был один из его вассалов Гуго де Пайен. Среди других отцов-основателей ордена был дядя Святого Бернара Андре де Монбар. Следует отметить, что хронист Балдуина I умалчивает о первых годах деятельности тамплиеров. Известно только, что в 1104 году в Святую землю с большой свитой рыцарей прибыл граф Гуго Шампанский, среди которых был и его вассал Гуго де Пайен. Видимо, с этого момента и следует исчислять появление будущей тамплиерской организации. Хочется отметить, что полные сведения о тамплиерах появляются спустя 50 лет со дня основания ордена, которые написал Гийом Тирский. Он же и указал, что в 1120 году членом этого ордена стал граф Анжуйский – отец Готфруа Плантагенета.

Тамплиеры поставили перед собой много серьёзных задач, но как они могли бы их осуществить, имея в своём составе девять человек, и ровно девять лет не принимали никого

в свой состав до 1118 года? Очень интересна в этой связи запись, сделанная в середине XII века пилигримом Иоанном фон Вюрбургом. Он писал: «Под зданием ордена расположены конюшни на две тысячи лошадей...». И это только для девяти человек? Сколько же на самом деле было рыцарей? Что за пространства расчищали братья на месте храма? Что они там искали? И почему им в этом содействовал орден «Приорат Сиона»? Принято считать, что тамплиеры девять лет пробивались сквозь скалу и расчищали тоннели под храмом царя Соломона. Ими были найдены несметные сокровища и ещё одна легендарная вещь, о которой до сих пор продолжают спорить. В документальных фильмах о тамплиерах утверждается, что они нашли «что-то» в подземельях и это «что-то» находилось в ларце. И именно благодаря этому к ним в орден стало вступать сразу очень большое количество людей всякого ранга и звания. Так, что же нашли там тамплиеры?

Современником храмовников, который общался с ними в Палестине, был знаменитый поэт XII века Вольфрам фон Эшенбах. В поэме «Парсифаль» он обращает внимание на очень важную деталь: главным достоянием рыцарей была знаменитая чаша Грааля и она охранялась ими впоследствии в легендарном замке Мунсальвеш. Многие считали эту чашу чудодейственным сосудом из которого причащались ученики Спасителя на Тайной вечере и куда после распятия Иисуса Христа была собрана Его кровь. Испивший из неё, получит прощение грехов и вечную жизнь. Близкое созерцание её также даёт бессмертие и другие земные блага. Некоторые думали, что чаша содержит в себе какие-то эзотерические знания, реликвию с золотым изображением Ноева Ковчега. Предполагали также, что в ней находилась отрубленная голова Иоанна Крестителя, или же драгоценный камень, упавший с неба. Таким образом, на сегодняшний день предположений достаточно много. Существует также утверждение, что чаша лишь символ; на самом деле это секрет генеалогии иудейских царей. Филологическим доказательством этому явилось созвучие слов «Грааль» и «sang gaal» или «sang royal», что означает «королевская кровь».

В 1956 году в Манчестере расшифровали один из древних свитков, найденных на территории Израиля у Мёртвого моря. В нём был намёк на огромные сокровища храма царя Соломона. Они были спрятаны перед его разорением римскими легионами в 70-м году после рождения Христова. Оказывается, этот храм хранил не только золото, но и документы о генеалогии иудейских царей, где было сказано о двух потерянных его коленах. Их наследники бежали, якобы, в земли франков и дали там начало династии Меровингов или же «длинноволосых» королей. Эта деталь подчёркивалась не даром. В древности копна длинных волос символизировала льва – знак колена Иудина, из которого произошёл царь Давид. Лев был и знаком колена Данова. Знаменитым потомком этого патриарха был Самсон, сила которого заключалась в его длинных волосах. Это была не только физическая сила, но и мудрость, так как в те времена волосы символизировались и с умом. Видимо, из-за этого Меровинги не резали своих волос на голове. Хочется особо отметить, что на царских гербах грузинских царей из рода Багратиони и армянских – Багратуни также изображены львы.

Меровинги разговаривали, как и их приближённые, на непонятном местным жителям языке. Их родоначальником был Мервей (Meroveus – отсюда и название династии). Эта династия правила в раннем средневековье франками. Меровинги располагали внушительной государственной казной и богатейшими личными владениями. Они, начиная с VII века, начали чеканить золотые монеты, на которых был изображён такой же герб, который впоследствии был принят и Иерусалимским королевством – родимое пятно в форме креста. По преданию представители этой королевской династии рождались с родимым пятном красного цвета в форме креста, которое находилось у них либо на груди со стороны сердца, либо между лопатками на спине. Это указывало на их божественное происхождение.

Многие правители Европы того времени хотели состоять в дружеских отношениях с этой династией в надежде заручиться поддержкой франкских королей. Дружбой с Меровингами не пренебрегали даже византийские императоры. Начиная с короля Хлодвиг, Меровинги пытались активно распространять христианство среди язычников, в чём и добились определённых успехов. Власть франкских королей в тот период была окружена таким ореолом божественности какого, вероятно, не знала ни одна до неё царствующая европейская династия. Договор с Меровингами в 496 году подписала Римская

Церковь. Затем, их власть узурпировали Каролинги, вышедшие из слуг, майордомов (управителей королевского дворца) меровингской династии. Самым знаменитым из них был Карл Великий, который в 800 году создал Франкскую империю. Последним же из царствовавших Меровингов был Дагоберт II. Его убили предательски - ударом копья в глаз, когда он спал. Заговорщики тут же решили истребить и весь род «длинноволосых» королей. Однако уничтожить удалось не всех.

Тамплиеров, равно как и написавшего им устав Святого Бернара Клервосского, поддерживал граф Гуго Шампанский. Некоторые исследователи утверждают, что он был одним из выживших потомков Дагоберта II. Именно он мог сообщить рыцарям семейную тайну сокровищ. Но мог её сообщить и другой потомок – Готфрид Бульонский.

И вот, после девяти лет поисков что-то было найдено! Бедные тамплиеры и не менее бедные монахи-цистерцианцы строят после этого на Святой земле несколько крепостей и основывают десятки аббатств. Тысячи рыцарей самых благородных кровей, равно как и менее знатного происхождения, пожелали стать членами братства после этого события.

Следует отметить, что вслед за рыцарями в самом низу иерархической лестницы тамплиеров находились крестьяне и рабы, захваченные в Палестине. Они составляли пешее войско копьеносцев, арбалетчиков (стрелков из лука и арбалета), а также лёгкую конницу туркополов, которая целиком была составлена из принявших христианство арабов и турок (многие из них сами добровольно принимали христианскую веру – от автора). Эти туркополы – уроженцы Сирии и Палестины, рождённые чаще всего от матерей-турчанок и отцов-христиан, воспитывались в христианской вере. Они служили тамплиерам в качестве наёмников.

Тамплиеры впоследствии стали участниками многочисленных военных кампаний на Ближнем Востоке и в других местах, где этого требовала необходимость. Роль их в крестовых походах огромна. Вплоть до падения Акры в 1291 г. тамплиеры и рыцарский орден госпитальеров (иоаннитов) являлись главной ударной силой в борьбе с мусульманами. Орден тамплиеров не признавал никакой светской власти. Он подчинялся только Риму и обладал правом экстерриториальности.

В начале 1129 г. деятельность тамплиеров узаконила Римская церковь: собор, собравшийся в Труа под председательством легата, утвердил их устав. Вскоре, Бернар Клервосский, принявший в этом соборе активное участие, написал для них “*De laude novae militiae*”, или «Похвалу святому воинству». Владения Ордена были разбросаны по всей Европе – во Франции, Англии, Испании, Германии, Италии, Греции и на Кипре. Он являлся главным экономическим и военным партнёром Грузинского царства на протяжении 200 лет (многие тамплиеры были захоронены в грузинском Иерусалимском монастыре Святого Креста и оказывали этому монастырю всякое содействие – Авт.).

Тамплиерам римскими папами была дана важная привилегия: они самостоятельно оперировали значительными суммами денег, направляемым по различным каналам для ведения крестовых походов. В их руках находились многие пути, по которым крестоносцы и паломники отправлялись в Святую землю. Крупные феодалы, желая заручиться поддержкой Ордена, дарили ему земли и замки. Ни один крестовый поход, начиная со второго, не обходился без их участия. Более чем 20 тысяч членов Ордена погибло на Святой земле, в том числе шесть Великих магистров из 23. Так, в знаменитой битве в горах Лаодикеи (современный юг Турции) в 1148 г. во время второго крестового похода 200 рыцарей (в основном – тамплиеров), составлявших свиту французского короля Людовика VII, сумели сдержать неистовые атаки 20.000 мусульман. Как и госпитальеры, они героически защищали один из последних оплотов христиан – Акру.

Историческое возвышение тамплиеров, духовных рыцарей и воинов Иисуса, было прямым вызовом светской власти, которая порой забывала об истинных целях крестовых походов. Наконец, тамплиеры стали главной ударной силой в сражениях с сарацинами. Появилась прекрасно оснащённая, дисциплинированная, тяжеловооружённая конница монахов-рыцарей в белых плащах с красным крестом, которая стала защитницей всех христиан Запада и Востока. Она умирала, но не сдавалась. Её не интересовало численное превосходство противника, как и сам противник. С громким боевым кличем «Босан!» она устремлялась в атаку, ведь «Босан» был её флагом атаки и только атаки. Чёрно-белое полотнище означало только одно – победу или смерть!

Смысл слова «босан» – «beausant» переводится с французского языка, на котором говорили в то время рыцари, как «лошадь тёмной масти в белых яблоках». В наши дни слово «beau» переводится как «прекрасное», «красота». Однако в средние века значение этого слова было гораздо шире, и оно означало «благородство» и даже «величие». Поэтому боевой клич тамплиеров «Босан!» также означал «К величию! К славе!»

Впоследствии 5 марта 1198 г. на Святой земле был основан Тевтонский орден, поддержанный Святым Престолом. Свои полномочия он получил на собрании в городе Акконе в орденском доме тамплиеров. 11 епископов и 9 светских германских князей, прибывших в этот город в связи с крестовым походом императора Генриха VI, встретились там с Великими магистрами тамплиеров и иоаннитов. Согласно их решению, Тевтонский орден должен был руководствоваться, в отношении клириков (священников), рыцарей и прочей братии Уставом (Правилами) тамплиеров, а в отношении ухода за бедными и больными – Уставом иоаннитов. Рыцари Тевтонского ордена стали носить белый плащ с чёрным крестом.

Подобно членству в духовно-рыцарских Орденах Испании и Португалии, членство в Тевтонском ордене ограничивалось в большинстве случаев пределами одной нации, но со временем тевтоны сумели вовлечь в свою деятельность множество стран и народов. После этого Тевтонский орден начал также осуществлять во многих странах творческую миссию распространения германской культуры.

Итак, испанская Реконкиста и крестовые походы способствовали тому, что европейские рыцарские ордена широко распространились на Святой земле, в Испании, Португалии и на берегах Балтийского моря.

Литература

Лобе, 2003 – Лобе М. Трагедия ордена Тамплиеров. СПб., 2003.

References

Lobe, 2003 – Lobe M. (2003). Tragediya ordena Tamplierov [The tragedy of the Knights Templar]. SPb. [in Russian]

К вопросу о появлении рыцарских (крестоносных) орденов

Мераб Сургуладзе ^{a, *}

^a Независимый исследователь, Грузия

Аннотация. В работе рассматривается история появления рыцарских крестоносных орденов, уделено внимание ряду спорных трактовок, в том числе о появлении у крестоносцев Чаши Святого Грааля. Затронута тема отношения Римской церкви в деле создания крестоносных орденов. В работе нашла свое отражение тема военной организации военно-монашеских и рыцарских крестоносных орденов.

Ключевые слова: крестоносцы, возникновение орденов, Гроб Господень, монахи, тамплиеры, госпитальеры.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: merab19172017@gmail.com (М. Сургуладзе)